

Сейранян М.Ю.

Московский педагогический
государственный университет**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОНФЛИКТОГЕННОГО ДИСКУРСА***

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к исследованию конфликтогенного дискурса. Своеобразие проявления конфликтности в современном обществе подчеркивает необходимость разработки и применения комплексного подхода на стыке таких дисциплин как конфликтология, антропология, социо- и прагмалингвистика, анализ дискурса. Подобный ракурс исследования позволяет определить конфликтогенные характеристики вербальной экспликации, обусловленные глобальным и актуальным контекстом дискурса.

Ключевые слова: конфликтогенный дискурс, междисциплинарный подход, контекст, прагматика, фрейм, вербальная экспликация, коммуникативное поведение.

M. Seyranyan

Moscow State Pedagogical University

CONFLICT DISCOURSE IN MULTIDISCIPLINARY PERSPECTIVE

Abstract. In the past 2 decades we have witnessed the development and proliferation of a variety of new approaches to conflict discourse, which together amount to a new field of theory and practice. The precise boundaries of this field are difficult to draw and researchers differ in their view of what to be included and what excluded. Scholars as well as practitioners of conflict resolution work at different levels, ranging from interpersonal to the international (cross-cultural). They operate in various domains such as politics, psychology, sociology, management theory, speech theory, interactional linguistics, etc. Despite the diversity in level, subject and purpose of research authors call for a complex analytical approach, problem-solving orientation.

Key words: conflict discourse, multidisciplinary perspective, context, pragmatics, frame, verbal means, communicative mode.

Конфликт как реальность жизни является объектом исследования многих наук: конфликтологии, юриспруденции, социологии, психологии, философии и лингвистики. Разнообразие трактовок и подходов к изучению данного феномена

обусловлено предметом анализа. Так, в основе многих современных классификаций конфликта лежит система Валтца [Waltz 1959], которая охватывает четыре уровня – направления – исследования специфики конфликтного взаимодействия: индивидуальный, социальный, международный и глобальный. Приверженцы антропоцентрического и социологического подходов обращают внимание в первую очередь на личностные характеристики реальных и потенциальных участников конфликта, и выделяют отсутствие взаимопонимания как ключевую причину конфликта. Как утверждает D. Layder, истинная причина конфликта кроется в самом человеке, в его чрезмерной зависимости от внешнего окружения и неуверенности в своих действиях и поступках. При этом характерным для ряда исследователей в области конфликтологии и разрешения конфликтов [Deutch M. 1973; Mayer R. 1993; Layder D. 2004] является выделение положительного аспекта данного вида взаимодействия. Как бы парадоксально это ни звучало, но уклонение от конфликта гораздо чаще приводит к его неразрешимости, по мнению Ричарда Мейера [Mayer R. 1993, 7].

В конфликте аккумулируются все сравнительно безобидные, незначительные, по мнению сторон, ошибки, допущенные ранее. «Бесконфликтного» бытия не может быть в принципе в силу того, что общество представляет собой непрерывный процесс возникновения и разрешения разного рода противоборств личностей и социальных групп. Многолетняя практика исследования межличностных конфликтов в американских компаниях подтвердила предположение о том, что из конфликта можно извлечь пользу и тем самым предотвратить деструктивный характер взаимоотношений в дальнейшем. Само существование подобного взаимодействия, как подчеркивает J. Burton [Burton J. 1990, 137], является гарантией достижения поставленных целей.

Для лингвиста конфликт представляет интерес в аспекте его вербальной экспликации, обусловленной взаимодействием внешних факторов. Характерным для последних современных исследований в данной области является изучение языка конфликта на стыке таких дисциплин, как

* © Сейранян М.Ю.

лингвистика, социология, психология, конфликтология, культурология и т. д.

Конфликтогенный дискурс, подобно любому виду дискурса, можно определить как текст, погружённый в ситуацию общения, или наоборот – общение посредством текста. Такое понимание дискурса сориентировано, по мнению В.И. Карасика, на анализ информации, выводимой из коммуникативной ситуации и соотнесённой с информацией, выраженной в тексте [Карасик В.И. 2009, 278]. Анализ конфликтогенного дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно включает исследование факторов его возникновения, моделей поведения непосредственных участников, их социально-личностных характеристик, социально-идеологических условий. В современных исследованиях, посвящённых специфике конфликта, ключевыми являются подходы социолингвистики, прагмалингвистики, теории речевых актов, когнитивно-культурологической лингвистики, теории дискурса и антропологической лингвистики.

Так, ситуативно-ориентированная модель конфликтного дискурса допускает как социолингвистические, так и прагмалингвистические измерения. В первом случае исследователей интересуют непосредственные участники дискурса, их статусно-ролевые характеристики. Помимо этого, в центре внимания исследователей находится зависимость функционирования языковых средств от тех процессов, которые происходят в обществе. Любой коммуникативный акт, с точки зрения американского исследователя А. Дуранти, характеризуется самопрезентацией его участников, встроенностью в ситуацию общения и социокультурной обусловленностью выбора способов общения.

Соглашаясь с тезисом, что коммуникативное поведение есть разновидность поведения как такового, отметим, что склонность к агрессии, выбор конфликтной модели поведения в качестве приоритетной кроется не только в индивидуальных, но и в социальных истоках. Так, индивидуальный опыт общения складывается на основе социально значимых сценариев, которые через повторяемость в определённых речевых ситуациях накапливаются в памяти индивида и, по мнению Ван Дейка, создают «базу данных» и используются говорящими во вновь встречающихся ситуациях [Ван Дейк Т.А. 1989, 276]. К близким выводам пришли и американские социологи, которые подчёркивают, что при возникновении возмущений в отношениях «индивид – среда» субъект начинает ощущать внутреннюю

дисгармонию и дискомфорт. Их устранение предполагает приспособление к среде, в ходе которого и возникают конфликты. Интересной в данном контексте является ситуационная концепция М. Дойча [Deutsch M. 1973], согласно которой следует различать следующие фундаментальные измерения межличностных отношений:

- кооперация/конкуренция;
- распределение власти (равное / неравное);
- ориентация на задачу / социально-эмоциональная ориентация;
- формальный / неформальный характер отношений;
- интенсивность и значимость отношений.

Социолингвистический ракурс исследования предполагает включение в сферу анализа типов личностей участников дискурса. Авторы «Юридической конфликтологии» [Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. 1993, 93] выделяют три основных типа личности. Первый, *деструктивный*, – тип субъекта, склонного к развёртыванию конфликта и усилению его, к установлению своего господства, к подчинению другого человека, его интересов своим, к унижению другой стороны вплоть до полного подавления и разрушения. Второй тип – *конформный*. Субъекты этого типа пассивны, склонны уступать, подчиняться, тем самым объективно способствуют и содействуют чужим агрессивным проявлениям. В то же время конформность может сыграть и положительную роль: уступка, компромисс – один из способов остановить конфликт. Третий тип – *конструктивный*. Субъекты этого типа поведения стремятся погасить конфликт, найдя решение, приемлемое для обеих сторон [Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. 1993, 122-124].

В рамках прагмалингвистики *конфликт* рассматривается как реализация прагматических актов. Так, В.С. Третьякова выделяет прагматические маркеры конфликтного коммуникативного акта, которые связаны с различного рода несоответствиями, непониманием, нарушением каких-либо правил или интуитивно ощущаемых закономерностей речевого общения. К ним относятся несоответствие *речевой акции и речевой реакции*, а также и негативные речевые и эмоциональные реакции, которые создают в коммуникативном акте эффект обманутых ожиданий.

Прагмалингвистическое описание конфликта в большинстве случаев базируется на основании двух типов стратегий – *кооперативных* и

конфронтационных, – регулирующих речевое поведение коммуникантов. Так, к *конфронтационным* стратегиям принято относить *инвективную, стратегии агрессии, насилия, дискредитации, подчинения, принуждения, разоблачения* и др. Для их реализации используются *конфронтационные* тактики угрозы, запугивания, упрёка, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации и др. Интересным в этой связи представляется вывод о существовании двузначных тактик, которые могут быть как кооперативными, так и конфликтными в зависимости от того, в рамках какой стратегии используется данная тактика. Например, используемая в рамках стратегии вежливости, тактика лжи выполняет кооперативную функцию, а в рамках стратегии дискредитации – трансформируется в конфликтное средство. К двузначным тактикам относятся также тактики иронии, лести, подкупа, замечания, просьбы, смены темы и другие.

Изучение конфликтного дискурса в его когнитивном аспекте находит много общего с социо- и прагматическим подходами, в силу того, что связано с анализом выбора определённых стратегий и их вербального оформления, обусловленных особенностями индивидуальной когнитивной структуры. Когнитивные конфликты часто переводят в плоскость сугубо эмоциональных отношений, затрагивающих уже не предметную сторону противоречия, а личностные особенности включённых в него людей. Подобные трансформации вызваны неадекватностью оценки когнитивного конфликта участниками межличностного взаимодействия вследствие негативности и неаргументированности их критических высказываний. Ключевым для когнитивно-лингвистического подхода является положение о том, что речевой конфликт закреплён за типовыми сценариями речевой коммуникации, существование которых обусловлено социальным опытом и правилами речевого поведения, установленными в данном лингвокультурном сообществе. Так, по утверждению В.С. Третьяковой [В.С. Третьякова 2003], в сознании субъекта (носителя языка) существует типовая структура – фрейм «конфликт», который состоит из верхнего и нижнего уровней. Верхний включает обязательные компоненты ситуации: участники, чьи интересы находятся в противоречии, столкновение точек зрения, выявляющее несоответствие, речевые действия одного из коммуникантов, направленные на изменение поведения собеседника, сопротивление речевым действиям

другого участника посредством собственных речевых действий. Нижний уровень – необязательные компоненты – представлены следующими слотами: *временная протяжённость*, отражающая нарушения временной последовательности; *пространственная протяжённость*, связанная с нарушением пространственного представления о речевой ситуации; *третье лицо*, не непосредственный участник конфликта, а его виновник, влияющий на исход коммуникации.

Таким образом, фрейм «конфликт» отражает динамику коммуникации, т. е. подразумевает одновременную стереотипность и предсказуемость развития коммуникативного события (в силу того, что выбор языковой личностью средств и способов достижения коммуникативных целей ограничен актуальным контекстом). Вариативность (признание свободы выбора коммуникантами того или иного варианта сценария) основывается на том, что выбор языковой личностью средств и способов достижения коммуникативных целей, с одной стороны, ограничен рамками актуального контекста; с другой стороны, эти средства могут варьироваться в зависимости от него. Актуальность изучения когнитивных конфликтов объясняется тем, что именно подобного рода конфликты (которые также принято называть *конфликтами интересов*), лежат в основе большинства международных конфликтов конца XX в. Помимо этого, когнитивные различия также остро проявляются в спорах между учёными и экспертами при интерпретации информации и результатов исследований. Одним из ключевых вопросов в данной плоскости американские исследователи считают установление факторов, обуславливающих трансформацию *когнитивных* различий в *идеологические*.

Наряду с указанными подходами, характерным для ряда работ в межпредметной области является лингвоконфликтологический метод, при котором язык конфликта понимается как семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать уровень конфликтного потенциала. Применение данного подхода, на наш взгляд, во многом коррелирует с подходами дискурс-анализа (через призму анализа дискурса и контекста), в котором наиболее ярко отражена интеграция методологии и понятийного аппарата прагматики, социологии, истории, антропологии, психологии, лингвистики. Удобство и преимущество дискурсного метода исследования состоит в том, что он обнаруживает широкую область применения, позволяет учитывать различные

факторы проявления конфликта, обнаруживать и выстраивать новые модели, выявлять маркеры конфликтности любого плана (вербального и невербального) и взаимосвязь между ними, выбирать приоритетные для своего исследования предметы анализа.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что в современных исследованиях конфликтогенный дискурс рассматривается с разных позиций: 1) как *коммуникативное событие*; 2) *фрейм-структура, сценарий*, лежащий в основе такого события; 3) *лингвокультурологический феномен*; 4) *идеологическая формация*.

Очевидно, что названные позиции являются не взаимоисключающими, а взаимообогащающими. В рамках нашего исследования продуктивным представляется использование комплексного, междисциплинарного подхода, если определить в качестве приоритетных социолингвистический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Анализ конфликта в данном ракурсе требует уточнения некоторых понятий, таких, как коммуникативный и речевой конфликт, которые не всегда выступают как тождественные. Подобное разграничение обусловлено разницей в трактовках коммуникативного и речевого поведения, а именно – различными установками участников интеракции. В первом случае – это установка на контакт, во втором – на язык как способ передачи информации. Получается, что коммуникативный конфликт – это результат особого общения, особое состояние участников коммуникативного акта, результат особого речевого поведения. Речевой конфликт – конфликт на почве несоответствия речевых действий, когда «одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться негативными средствами языка и речи» [Третьякова В.С. 2003]. Таким образом, понятие *коммуникативный конфликт – конфликт в коммуникации* – более широкое, чем собственно *речевой конфликт – лингвистический конфликт*. Следует отметить, что речевой конфликт может носить и неосознанный характер – субъекты дискурса не учитывают специфики норм речевого поведения в предлагаемых обстоятельствах в силу своей неосведомлённости и/или принадлежности к другому лингвокультурному сообществу. Более того, определение «речевой» (лингвистический) можно расценивать как обозначение причины, а не признака конфликта, т.е. исходить из того, какие несовпадения в знаковых пространствах

(речевых решений) коммуникантов привели к возникновению конфликта.

Анализ работ, посвящённых проблеме языка конфликта, показывает, что по-прежнему актуальным является вопрос о маркерах так называемой «вербальной агрессии». Известно, что факт актуализации / неактуализации тех свойств языкового знака, которые создают ситуацию риска, почву для коммуникативных конфликтов, зависит от контекста (прагматического, личностного, социокультурного и т.п.), который «создаёт структуру предпочтений, а последняя создаёт новый контекст» [Kotthoff Н. 1993; Spiegel, Franz-Fogasy 2001]. Иными словами, контекстуальная обусловленность вербальной экспликации подразумевает, что выбор говорящим средств и способов достижения коммуникативных целей, с одной стороны, ограничен рамками актуального контекста; с другой – может варьироваться в зависимости от него.

Применяя междисциплинарный метод исследования, мы, по сути дела, решаем две задачи: получаем представление о том, как вербальные средства отражают конфликтогенное состояние индивида, т.е. как человек осуществляет выбор языковых средств в ситуации конфликта, и о способности определённого речевого поведения провоцировать конфликт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
2. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993.
3. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
4. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – М., 2003. – № 27. – Вып. 14.
5. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Учеб. пособие. / Н.И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998.
6. Ширяев Е.Е. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура речи и эффективность общения. – М., 1996.
7. Burton J.W. Conflict: Resolution and Prevention. – New York, 1990.
8. Deutsch M. The resolution of Conflict: Constructive and destructive processes. – Yale University Press, 1973.
9. Duranti A. Agency in language // A companion to linguistic anthropology. – Blackwell Publishing, 2006.
10. Kotthoff Н. Disagreement and concession in disputes: on the context sensitivity of preference structures // Cambridge journal. – 1993. – № 22.
11. Layder D. Social and personal Identity. – London, 2004.
12. Mayer R.J. Conflict management. – Columbus: Battelle Institute, 1995.